
СЭРГЭ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

*Евгения Олеговна Закшеева,
старший научный сотрудник
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы», г. Иркутск*

Окружающий человека мир в традиционном мышлении бурят предстает как некое хаотическое пространство, внушающее человеку страх своей бесформенностью, возможность существования в котором возникает лишь в случае его ритуального преобразования. Доместикация пространства достигалась посредством придания ему упорядоченного вида, наделения его формами и законами.

Ориентация в пространстве являлась жизненно необходимой и особенно актуальной для кочевых культур, поскольку жизнь кочевников проходила в постоянных перемещениях. Здесь маркерами жизненного пространства и ориентирами выступали элементы ландшафта, представленные чаще всего горами, приметными объектами — валунами, рощами, необычными деревьями.

Наряду с сакральными объектами природного происхождения функционируют ориентиры, созданные рукой человека. В районах проживания бурят, особенно западных, всюду можно увидеть священные места *барисаны* (*бариса*, *барьса*, от *бариха* — «преподносить, дарить»), представленные коновязным столбом либо деревцем, увешанным ленточками.

Столб-коновязь относится к основным чертам бурятских поселений, а также многих других монголоязычных этнических сообществ. Кочевники устанавливали поблизости от своих жилищ специальные столбы для привязывания лошадей. Коновязные столбы устанавливались не только с практической целью, но и для проведения различных обрядов. Такие столбы у якутов, бурят и монголов носят общее название *сэргэ*.

Разведение лошадей испокон веков было занятием мужчин, поскольку оно требовало большой физической силы. Во дворе (как и в юрте) правая сторона считалась мужской: здесь размещали загородки для лошадей и жеребят, под специальным навесом хранились предметы конской упряжи, телеги, сани. В левой (женской) части подворья находились стайки, сараи для скота.

Сэргэ в Тункинской долине. Фото Ю. Лыхина, 2008 г.

Водружали сэргэ в правой (мужской) части подворья сразу же по окончании постройки юрты. Сэргэ — объект высокой ритуальной значимости — устанавливалось у дома каждого семейного человека и располагалось в передней части усадьбы в южном направлении от входа в жилище.

В сакральной топографии сэргэ является обозначением центра локальной семейно-родственной территории. Сакральная значимость этого элемента бурятского поселения подтверждается обычаем западных бурят обязательно устанавливать сэргэ к женитьбе сына, даже в том случае, если у семьи жениха не было возможности построить ему отдельную юрту. Таким образом, маркером предназначенной для новой ячейки общества территории выступает не жилище, а коновязь (8, с. 35).

По наблюдениям М.Н. Хангалова, на второй день после приезда свадебного поезда невесты в улус жениха на улице устанавливали березовое сэргэ. Под ним клали пищу, чаще грудинку, которая считалась почетным блюдом. У сэргэ садился *урөөлши* — благословитель и произносил благопожелания невесте, у тункинских и балаганских бурят *урөөлши* сидел у очага. Благопожелания в большинстве случаев звучали так: «*Унашагуй сэргэтэй, унтаршагуй гуламтатай ябаарай!*» («Пусть коновязь будет непоколебимой, а очаг неугасимым!»). В этом смысле сэргэ можно сопоставить с очень важным элементом семейной жизни —

очагом. Кочевники не передавали своих коновязей другим и не выкапывали их, так как это могло принести семье несчастье. М.Н. Хангалов приводит интересные сведения о том, что в конце XIII – начале XIX века во время похорон к сэргэ привязывали коня в лучшей сбруе, в седло сажали покойника, затем, отвязав коня, везли умершего на место погребения, где сжигали его вместе с убитым конем. Таким образом, сэргэ было связано с жизнью бурята от свадьбы до смерти. Если человек был бездетным и после его смерти никого не оставалось, чтобы наследовать сэргэ, то коновязь уничтожали и про такого человека говорили: «Его сэргэ не существует!» («*Сэргэнь сайра!*»), другими словами — «Род его прекратил существование, оборвался». Этот обычай аналогичен другому обычаю древности, согласно которому убивали бездетных женщин и гасили огонь очага. Про того, кто умер бездетным, говорили: «Огонь его погас» («*Галань утараа*») (9, с. 48).

Известно, что сэргэ не возводили женщинам и мужчинам, не имевшим наследников. Однако у ашибагатов Кяхтинского района сэргэ возводили и тогда, когда выходила замуж дочь. В этом случае столб-коновязь устанавливали во дворе родителей невесты. Вероятно, данная традиция не является архаичной, а представляет собой веяния нового времени, констатируя факт возникновения новой семьи. Сходный обычай установления коновязи в честь невесты есть в якутской традиции. Отличие состоит в локализации такой коновязи: якуты коновязь невесты устанавливали в усадьбе отца жениха (8, с. 35).

Материалом для изготовления сэргэ служили прочные породы хвойных деревьев, как правило, лиственница, сосна, кедр. По мнению Д.С. Дугарова, своим происхождением этот атрибут бурятской усадьбы обязан ритуальному столбу-дереву, символизирующему Мировое дерево, которое обозначалось термином «сэргэ». Превращение этого дерева в столб объясняется следующим образом: «Кочевники, лишённые возможности длительное время жить на одном месте и пользоваться одним и тем же растущим священным деревом, были вынуждены его срубить и, очистив от ветвей и сучьев, возить с собой. Приехав на новое место, они устанавливали столб — копию священного небесного дерева — возле своего временного жилища» (5, с. 130).

Сэргэ старались сделать мощным, красивым, привлекающим внимание людей. Такое сэргэ было устойчивым к разрушительному влиянию природных явлений, сохранялось на долгие годы. Необходимость сохранности сэргэ обуславливалась религиозными представлениями, в соответствии с которыми сэргэ рассматривалось бурятами как символ семейного очага, рода,

хранилище жизненной силы хозяина дома, семьи в целом (6, с. 272).

Традиционные бурятские коновязи были трех видов. Первую коновязь возводили, когда справлялась свадьба старшего сына в семье. Молодым устанавливалось отдельное жилье, сын становился хозяином дома, отцом семейства — в знак этого сэргэ называлось отцовским или личным. Оно было высоким, имело двухступенчатое навершие, конусообразное сверху. На верхней ступени имели право привязывать коня старейшины, почетные гости, хозяин дома. На нижней второй ступени привязывали лошадей молодые мужчины, женщины — на гладком бревне сэргэ. Вторая ко-

**Сэргэ на острове Ольхон.
Фото В. Тихонова, 2009 г.**

новязь именовалась «братовой» (*ахын сэргэ*) — у нее отсутствовало верхнее конусообразное навершие, высота равнялась высоте первой ступени отцовской. Третья коновязь устанавливалась перед свадьбой второго сына. Она стояла чуть дальше отцовской и братовой. Высота ее равнялась высоте гладкого бревна второй коновязи, с одной ступенью наверху.

У аларских бурят сэргэ делали с трехступенчатым верхом: ромбовидная головка переходила в первую зарубку, предназначенную для коней божеств, посещавших домохозяев, следующая ступень предназначалась для лошади главного свата и для лошади, даруемой родителям невесты во время сватовства, а третья — для остальных гостей (2, с. 57). По другому толкованию, сэргэ с трехступенчатым навершием означало, что в усадьбе живут несколько женатых сыновей, при женитьбе каждого сына вырезали в верхней части столба выступ (*хэршэлэ*) (4, с. 34). У

закаменских бурят трехступенчатая форма наверхия выражает социальную структуру общества, в силу того что определенный вырез наверхия соответствует статусу гостя — гость высокого ранга привязывает свою лошадь за верхнюю выемку. Аналогичное правило функционирует и в рамках семьи: отец привязывает лошадь к самой верхней шейке, а сыновья используют нижние выемки. По мнению же ольхонского шамана В. Хагдаева, трехступенчатую головку сэргэ делают для культового места барисана, для свадьбы же делают сэргэ с одним наверхием, потому что оно предназначено только для людей (6, с. 273).

Традиционная форма наверхия — коническая, называемая *зула* — свеча. Такая форма была обязательной, поскольку плоская макушка наверхия обуславливает прекращение роста, уменьшение жизненной силы лошадей. Противоположным по смыслу толкованием является мнение, что верхушка сэргэ не должна быть острой, поскольку направлена к Небу. Форма наверхия может иметь несколько граней, которые означали количество женатых сыновей (3, с. 132).

Бытовали в усадьбах закаменских и тункинских бурят и двойные сэргэ, называемые *холбогдомол сэргэ*. Такой вид сэргэ состоял из двух коновязных столбов, соединенных двумя перекладинами, которые укреплялись в пазах столбов. В Тункинском районе Бурятии подобная конструкция коновязного столба обособывалась следующим назначением: верхняя перекладина сэргэ предназначалась для лошади гостя мужского пола, а к нижней перекладине привязывали своих коней женщины-гости. В данной форме сэргэ воплотилась, вероятно, традиция тункинских шошолоков устанавливать во дворе жениха два дерева — березу и сосну, символизировавших союз двух родов, имеющих разные тотемные деревья (3, с. 128).

На территории Ольхонского района также существуют парные сэргэ. По словам шамана В. Хагдаева, одна коновязь называется *ехэ сэргэ* (с трехступенчатым наверхием), а другая, с профилированной головкой, — *тушуур сэргэ*. Их соединяет натянутая веревка. По мнению шамана, верхняя шейка трехступенчатого наверхия посвящена коням небесных духов (*дээдэ замбин тэнгэришуулда* — божествам–тэнгриям Верхнего мира); средняя — людям Среднего мира (*тээли замбин хундудта*), а нижняя — писарям Нижнего мира Эрлен хана (*додо замбин Эрлен ханай бэшээшэгудта*) (6, с. 273).

Имели место и другие толкования, характеризующие сэргэ. У тункинских бурят установка сэргэ — знак глубокого уважения к коню, поскольку человек и конь рассматривались как единое це-

лое. Иначе говоря, коновязный столб представлялся своеобразным «домом» коня (8, с. 35).

По представлениям закаменских бурят большое количество конского навоза у коновязи свидетельствовало о хорошей репутации дома, радушии его хозяев. Дом без коновязи люди старались обходить стороной. Таким образом, даже у незнакомого с домохозяевами человека могло сложиться определенное представление о них. Считалось также, что на эту особенность бурятской усадьбы обращают внимание и божества, что она вызывает их благосклонное расположение к данному дому (3, с. 74). Следовательно, гостеприимный и щедрый человек свыше наделяется благодатью. В свадебных песнях предбайкальских бурят звучит мотив главного функционального предназначения сэргэ:

Алтан сэргэ бодхоходомнай	Коновязь мы ставим,
Агтайн түрүү ходо гаранабэй,	Чтобы лучшие из коней не объезжали,
Аша гушаяа үргэхэдэмнэй	Детей мы растим,
Худа худагүй ходо гаранабэй.	Чтобы лучшие сваты не обходили.

Алтан сэргэ зооходоо	Мы ставили золотую коновязь,
Агтайн тогтохые зоонобди,	Чтобы кони останавливались,
Аша гуша үргэхэдээ	Мы растили внуков-правнуков,
Худа анда болхоёо үргэнэбди.	Чтобы приезжали сваты и сватья

(1, с. 31, 44).

В пространстве усадьбы сэргэ является также объектом, регламентирующим присутствие постороннего на территории домохозяина. Сэргэ можно обозначить как границу этой территории. У монголов гость, остановив коня у коновязи, обязательно заявляет о своем прибытии стандартной фразой: «Посторонний человек, прибывший издалека, прежде всего, подъезжает и останавливается у коновязи и дает знать о себе словами: „Придержите собаку“ — „*Нохой хорь*“, если даже собаки нет» (10, с. 35).

У сэргэ гостя обязательно должны были встретить. Как правило, встречать гостя должен был самый младший из мужчин, приняв повод обеими руками. Провожая гостя, помогали ему сесть в седло и придерживали стремя. К примеру, у ангинских бурят молодого гостя провожал молодой член семьи, пожило-

Сэргэ в музее «Тальцы». Фото Т. Крючковой, 2009 г.

го и уважаемого человека нередко выходили провожать всей семьей (7, с. 92). Таким образом, в культуре монгольязычных народов любой посторонний человек начинает свой путь к жилищу у сэргэ, демонстрируя тем самым свои мирные намерения.

Обращают на себя внимание и способы фиксирования лошадей. В Монголии по тому, каким образом привязана лошадь к *морны уяа* (коновязи), определяли ситуацию в доме. Правило требует привязывать лошадей с северо-западной или западной стороны юрты. Если лошадь была привязана с восточной стороны (слева), это означало, что в доме находится умерший (10, с. 35).

В настоящее время в Бурятии в некоторых районах сохранили свое назначение старинные коновязи, установленные несколько поколений назад. При этом в селах во дворе можно встретить три-четыре новых сэргэ, но по ним трудно определить, кому они поставлены: отцовское и сыновнее сэргэ оказываются одинаковыми по высоте и оформлению. Причиной этого является незнание многих обычаев и правил при установке сэргэ.

Теперь в некоторых священных местах и у въезда в населенный пункт устанавливают коновязи в связи с организацией какого-либо знаменательного мероприятия. Эти коновязи имеют боль-

шую высоту, художественно декорированы и покрыты краской и лаком, т. е. выглядят броско. Несмотря на видимую функциональную архаичность сэргэ (здесь сооружаются беседки со столами и скамейками для более удобного приношения скромных жертв духам-хозяевам местности), они представляют собой новаторское явление. Так, например, на горе Убиенной за городом Гусиноозерском установлены 33 высоких декорированных столб-сэргэ. Эти коновязи — символы возрождения самосознания бурят на современном этапе, свидетельство творческого развития традиций (6, с. 264).

Несколько иная ситуация на Ольхоне: традиция сохраняется здесь в первозданной форме, поскольку она и не утрачивалась. Вдоль дорог Ольхонского района стоит много коновязей, такого их количества не наблюдается в других регионах. Эти своеобразные памятники хорошо вписываются в ольхонский степной ландшафт и придают ему колорит освоенного, особенно сакрального пространства. Коновязи стоят по одной, по две, по три, есть даже девять, посвященных девяти шаманам бывшего Загалмайского улуса. Девять коновязей стоят в ряд и соединены между собой веревками, на которые сплошь навязаны ленты синего (цвета *тэнгэри* — неба), зеленого (подобно траве), белого (олицетворяющего чистоту) цветов. В 1990 году был проведен первый после десятилетий запрета общеольхонский тайлган, в связи с чем около Саган Хады были установлены три священные коновязи-сэргэ, а представители многих родов установили в других местах родовые сэргэ своим знаменитым шаманам и духам предков.

Эта же преемственность традиций, но в менее выраженном виде, наблюдается и у других групп бурят.

Сэргэ было известно многим племенным группам бурят, но в каждом районе отмечаются вариации в количестве сэргэ, в форме завершая коновязного столба и разные толкования этих различий. Тем не менее существует общее мнение о том, что сэргэ несет знаковую функцию Мирового древа и служит не только абстрактным символом гармонии вселенского ансамбля, но и вполне конкретным обозначением центра определенной семейно-родственной территории. Сэргэ как Мировое древо и хранилище духов предков обеспечивает связь между мирами — в ответ на мольбы и жертвоприношения людей нисходит божья (небесная) благодать. Посредниками здесь выступают духи предков (6, с. 273). Таким образом, являясь неотъемлемой частью традиционной культуры, столб-сэргэ до сегодняшнего дня считается у бурят одним из самых уважаемых и почитаемых объектов-символов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балдаев С.П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959.
2. Басаева К.Д. Поселения и жилища аларских бурят (вторая половина XIX – XX в.) // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск, 1993.
3. Галданова Г.Р. Сэргэ как феномен традиционной культуры бурят // Этнография народов Сибири и Монголии. Улан-Батор; Улан-Удэ, 2000.
4. Герасимова К.М., Галданова Г.Р., Очирова Г.Н. Традиционная культура бурят. Улан-Удэ, 2000.
5. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства: на материале обрядового фольклора бурят. М., 1991.
6. Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. Новосибирск, 2000.
7. Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте Агинских бурят. Улан-Удэ, 1972.
8. Содномпилова М.М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Иркутск, 2005.
9. Хангалов М.Н. Собрание сочинений: в 3 т. Улан-Удэ, 1958–1960. Т. 1.
10. Цэрэнханд Г. Традиции кочевого стойбища у монголов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск, 1993.